

Виктор ШАПКИН

Литератор, режиссер, переводчик, лингвист. Родился в 1955 году в г. Ветлуге Горьковской области. Окончил переводческий факультет Нижегородского государственного лингвистического университета (немецкий, английский языки) и Высшие театральные курсы ГИТИСа (режиссура). Работал главным режиссером Театра пластической драмы «Преображение» (Нижний Новгород), с 2010-го – фрилансер.

Печатался в журналах «Нева», «Москва», «Юность». Роман «Не забудь умереть» опубликован в нью-йоркском издательстве Franc Tireur (2015). Роман «Нищие духом» вошел в список финалистов Международного литературного конкурса «Золотой витязь» (2018). Лонг-листер литературной премии «Ясная Поляна» и премии «За верность Слову и Отечеству» им. А.А. Дельвига. Живет в Нижнем Новгороде.

ДОНДИК

*Дондик как дождик
в день осенний
стучит по крыше
Анастасия – воскресенье
а я не слышу*

Трясая на ухабах древний автобусишко, скрипел рессорами, подминая под себя серую от пыли лысину дороги.

Последний поворот – и в блеске реки утопающая в сирени белая церковь Троицы на крутом угоре.

И вся Ветлуга сейчас – одно безбрежное врубелевское облако сирени.

На песчаной отмели – старый проржавевший катер. На рубке надпись: «Титаник» – фиг потопишь!»

По дикому пляжу бродят разномастные коровы – щиплют лопухи мать-и-мачехи.

А вот наконец и он – городок-юность плывет-расплывается в знойном мареве, как мираж. И сирень, сирень...

Папа-отпускник с маленькой дочкой шествуют с автостанции. И чем ближе подходят к дому, тем пуще вскипает в них радость.

А двор у них большой-большой. Во дворе трава по пояс (доньке – по шейку).

Был когда-то дом этот новым. Со временем постарел он, осел, ссутулится, потемнел от дождей и ветров, стены растрескались глубокими щелями морщин. Эх, старый дом, старый дом...

Первым делом папа собрал-свинтил качели, и Тася наконец-то накачалась властью.

...А он вдруг вспомнил, как с двумя друзьями-однокашниками по ГИТИСу – пьяный от счастья – шагал по Тверской и орал песни, и как их то и дело тормозили строгие стражи порядка, а узнав, в чем дело, поздравляли и отпускали с миром.

– У меня – сегодня – дочка – родила-ась!..

Доня качалась, а тятя выкашивал двор. Трава здесь мягкая, как на заливных лугах, косить ее одно удовольствие. И он косил. Разучился совсем. Все хотелось гладенько, ровно, а выходило с тяткá. Потом наладилось, даже кайф словил от такой работы. Рука вспомнила, вспомнила рука-то!

Откосился, пошел на колодец умыться. Вода искрилась и пенилась, перебегая из ведра в ведро.

И доник тут как тут: тоже умывается, фыркает, вскрикивает, прыгает на одной ножке.

Вишнёвник – что-то просторное и светлое, как детский сон: улыбчивое небо и пальцы кустов, словно взметнувшиеся ввысь от легкого ветерка девичьи пряди, усыпанные смайликами ягод.

Натрескались вишен и ушли, не заперев дверей, только воткнув щепочку в поцепку – нас нет дома.

Летели по залитым солнцем улицам и смеялись.

Как хорошо шагать босиком по теплой пыльной земле родного города! Ощути землю босыми пятками – вот он рай.

Дондик импровизирует:

Маленькая тетя, маленькая тетя
Пошла в магазин...
купила баночку сардин!

Папа подхватывает:

– О йе! Доник, класс, это твой первый рок-н-ролл! Поздра-вля-вля, вля-вля, вля-вля!

А та продолжает сочинять:

Кошка шла по проводам...
И накакала на дам!

– Фи-и, десь капеек!

...Наутро он проснулся в коммуналке у друзей на Кропоткинской, тихонько выскользнул на улицу и шел пешком по пустым еще бульварам аж до Пушкинской, а там влез в окно со двора к Илларию, подруге жены, и она кормила его фаршированными перцами, потом помчались на площадь Ильича, в роддом, и он передал записку мамаше: «Поздравляю с Настенькой!», внезапно назвав еще невиданную дочь, и они с Илларией долго плясали и махали руками дико усталой элегичной маме Лёле в окне на третьем этаже, а кругом неистово и яростно дудели в горны и били в барабаны гипсовые пионеры...

А на озере – со-о-лнце! И ужик плывет.

Донька запускает в него комком земли – тот исчезает в прибрежной осоке.

И они, взявшись за руки, вопя летят с высокого берега и с разбегу плюхаются в воду, вздымая мириады солнечных брызг.

И вода теплейшая, как парное молоко.

...Ночью у Лёли воды отошли. Вызвал скорую.

Сунулись сперва к Грауэрману – мест нет, тогда к Белорусскому – та же история. И лишь на площади Ильича, в стареньком чистеньком род-доме, сподобились.

Отвел роженицу внутрь, через некоторое время ему вынесли ее верхнюю одежду, отослав домой – и вот стоит теперь в маленьком больничном парке среди гипсовых пионеров с барабанами-горнами и могучих девушек (естественно, с веслом) – приходит в себя...

Небо бездонное-бескрайнее.

Они лежат на песке, закинув руки за голову, плятятся в горние выси.

А кругом тает облачный снег, и орут-галдят птахи на деревьях. И полуденный солнцепад ласкает-припекает-нежит.

Потом папа выломил гибкий ивовый прут, привязал к нему жилку с крючком, поймал-насадил слепня и за каких-то пятнадцать минут выудил четырех косарей да две сорожки в придачу. Обед был обеспечен.

Доня тоже помогала – слепней ловила.

Папеч топают с доней на плечах и улыбаются чему-то. А Настёнку сморило на солнышке – дремлет, обхватив его за шею.

И с ясного неба вдруг бросился дождь. Разверзлись хляби небесныя.

Все восхищало и вдохновляло: и вода, бьющая из ржавых жерл водосточных труб мимо бочек, и малюсенькие березки меж кирпичей облезлых стен красной больницы, и чьи-то неожиданно желтые – солнечные! – кальсоны, забытые на бельевой веревке.

Они бегут, звонко шлепая босыми пятками по калужинам – улыбка дождя, кружатся на каком-то перекрестке, взявшись за руки, бегут-рвутся вперед до изнеможения, падают, поднимаются и, хохоча во все горло, несутся дальше.

И так хорошо и щенячье, как никогда уже больше не будет!

Донька шла-шла-шла,
Пирожок нашла...

И хором:

Села, поела,
Опять пошла!

И снова:

Пуня шла-шла-шла...

– Червяка нашла...

Села, поела,
Опять пошла!

– Червяк ползет: «Здравствуй, Тася!»

– Другой ползет: «Здравствуй, папа!»

– Что я, червяку папа, что ли?

Ржут.

А дождик кончился так же внезапно, и над миром незапятнанно и чудно сквозила семиструнная радуга.

Папсун чистил рыбу в огороде. Вокруг выли голодные кошки со всей округи.

Обедали на веранде: ушица, печеная рыбка под зеленый лучок с редиской.

Гладкие свежие стены веранды кой-где слезились солнечными каплями смолы. И огромное, плавающее в лучах светила, окно напротив.

Когда отобедали, папа сказал:

– Пошли-ка сходим на кладбище, маму с батей навестим и других родичей. Сегодня Духов день – они, мертвые, слышат. Ты, как придем, раза три хлопни рукой по памятнику и скажи: «Кости-кости, пришли к вам в гости». Там их спрашивают потом, у кого были гости. У меня, мол...

...Из роддома ехали домой на такси. И он на заднем сиденье судорожно и трепетно держал на руках новоиспеченную Пупуську, а у нее все губы в зеленке...

Спустились с горки – и вот оно кладбище. Тася сунулась было в раскрытые ворота, папа придержал:

– погоди, доника, не надо в ворота-то – успеешь еще. В калитку иди.

На кладбище полно спелой земляники, только есть нельзя. Но доня нет-нет да слопаёт ягодку.

Пришли к своим, папа отворил калиточку, ведущую в оградку, сказал просто:

– Здравствуйте, дорогие.

Сели за столик у самых могилок. Тятя положил на каждую по яичку и по две конфетки, посыпал зернышка птичкам. Сидели-молчали, и каждый думал о своем.

Папа поднялся.

– Ну вот, к своим зашли на могилки, осмотрели, теперь можно и домой. Айда, дондик.

Низко поклонился зеленым холмикам.

– Прощайте... и простите.

И затворил калиточку.

Напоследок поставили свечку в покосившейся деревянной часовенке и пустились восвояси.

Шагали с кладбища по невыразимо пыльной дороге и комкали-рвали-терзали ногами плотную ткань мироздания.

Два крошечных человечка под необъятными обителями небес. Челом в вечность...

А какой закат сегодня! Идешь домой, а он разлился-распылился в полнеба – сочно золотой сначала, потом малиново-красный и вот – бордовый.

А солнечный круг все больше ущемляется. И земля в этот час видится выпуклой. И горизонт не где-то вдаль, а рядом – рукой подать. И закатные облака, как перья фламинго – бело-розовых чаек нашей мечты.

Природа ведь это все – живое – громадный всеобъемлющий добрый разум. И в ней творится то же, что и у нас в душе.

...И тут папс вспомнил, как гладил будущей маме Лёле толстенькое пузико с Настёнкой в нем и все именовал ее Олежей – сына поджидал.

А появилась доня – большего счастья себе и представить не мог...

Закатное солнце в Тасиной спальне. Его лучи переламываются о бревенчатую стену. Пылинки в солнечном столпе.

Перед сном рядом в зале режутся с донькой в комарика, в морской бой, в кости.

И русская печь величественная, как торт.

– Доня, ты глызишь!

– Да ты чео, пап?! – Почти натурально, на голубом глазу.

– Это не Настя – это ненастье! Но ничего – глыза глызу выведет.

И снова в игру.

Ночная гроза – всухую, без дождя. Тучи нахлобучиваются прямо на крышу. Взрывы грома сотрясают все вокруг, молнии так и жгут.

А они с донькой сидят в темноте и рассказывают стр-р-рашные сказки.

Папа вещает:

– «Ой, вы знаете, я так мертвецов боюсь, так боюсь». – «А чего нас бояться? Ха-ха-ха!»

И дондик, дрожа, еще глубже зарывается под одеяло. И слышно даже, как колотится ее испуганное сердчишко.

А потом они устали, ткнулись ноздрями в мягкость подушек и заснули крепким сном. И перед сном еще успели ощутить, как планета качнула и понесла их нежно и мощно – далеко ли, близко ли. Кто знает.

...И опять наплывом мелькнуло: какой-то праздник, куча детей обступила его и теребит. И донька бросается к нему с воплем:

– Это МОЙ папа!

А он взял и ради смеха развернул ее за плечи и шутя шлепнул по попке. И все рассмеялись, а она вдруг расплакалась – горько.

И такая боль резанула сердце...

Ночью он вдруг проснулся, как от толчка, опрометью кинулся в донину комнату: дышит ли?

Она спала, совсем по-младенчески отлячив губёшки. И вытекла из уголка рта сладкая слюнка.

А дом-то за ночь искрипелся весь. От радости.

Рано-рано по крыше дробно протопала галка.

Он очнулся и понял: жизнь – радостность. Просто: ра-дост-ность.

Та уже поджидала за окном – пахнущая сиренью и солнцем, напоенная тем нетварным просквоженным светом, когда так особенно легко спится и плачется.

И было утро.

Начинался новый нескончаемый день. И их впереди было целое лето. Для нее.

Она спит, как ангел, а он смотрит ей в лицо.

Дрожат ее мягкие пушистые ресницы. Сейчас проснется. Вот-вот...

Так он отдыхал – отдыхал от крови. И уходил, чтобы вернуться. И не вернуться.

– Папочка, ведь ты не умрешь? Ведь правда?

– Я постараюсь, доченька, я постараюсь.